

«Эманация «Ригонды». Фантастический рОман.

Предупреждение: все действующие лица и события вымышлены. Все совпадения случайны и непреднамеренны. Автор не несёт ответственность за действия своих героев.

Предупреждение: все опечатки в тексте опечатками не являются.

Глава 1.

В ночь с воскресенья на понедельник Гурьянов спал плохо. Снилось ему непонятно что, тревожное и неприятное, какие – то ящики с переключателями, какие – то эстафеты на стадионе, в которых Гурьянов обязан был принимать участие, почему – то башенный подъёмный кран, по которому вниз головой лазал директор одной из мытищинских строительных фирм, а Гурьянов его зачем – то догонял, залезая на кран в одних трусах. «Ай, джан, зачём пугаешь, а?» – кричал директор. Несколько раз Гурьянов просыпался, ковылял на кухню попить воды, чесал грудь, бормотал изумлённо: «Вот же свё подопря какая...», и снова проваливался в тяжёлый, изматывающий сон. Под утро приснилась и вовсе совершенная похабщина – Гурьянову снилось, будто он, на Большой Олимпийской Арене в Лужниках, участвует в соревнованиях по ползанию задом наперёд, и полные трибуны скандируют: «Гу – рья - нов! Гу – рья - нов!», а на огромном световом табло вдруг появляется лилово – голубая надпись **#ГУРЬЯНОВПЦУЙ**.

Встал Гурьянов совершенно невыспавшийся, с тяжёлой головой, и в подавленном настроении. Кое – как дотянув до обеда, он плотно наелся домашних пельменей, залив их сверху чаем с крыжовниковым вареньем, и ощутил, что ему совершенно необходимо пару часиков вздремнуть. «Спасть!» - решил Гурьянов.

Как ни странно, и днём сон оказался дурным – Гурьянову снилось, что он, живой, лежит в гробу, держа в руке свою книгу о старых Мытищах, а вокруг стоят люди со слегка печальными лицами, и сам Губернатор произносит прочувствованную речь, называя Гурьянова краеугольным камнем краеведения. И лежать Гурьянову было так хорошо, так душевно, что шевелиться совсем не хотелось. Вдруг, когда Губернатор пожал ему руку, некурящий Гурьянов ощутил непреодолимое желание закурить, одновременно вспомнив о неспрятанном кирпиче от мытищинского кремля у

себя на даче. «Дурни, закурить есть? Забыл совсем, мне же кирпичи на даче перепрятать нужно» - сказал Гурьянов. После этих его слов раздались непонятные громкие крики, что – то стукнуло, и наступила темнота.

Глава 2.

Неожиданно для городской общественности, состоялись похороны Гурьянова. Неожиданно – потому что никто и знать не знал, и слышать не слышал, что он умер, да и здоровьем усопший отличался отменным, во всяком случае – здоровьем физическим, и вот те на! Пришлось идти хоронить. На кладбище собралось почти полгорода, и приехал даже сам Губернатор. В гроб покойнику положили последние экземпляры его книги, Губернатор пожал Гурьянову руку, произнёс прочувствованную речь - мол, хороним соль земли нашей, краеугольный камень краеведения губернского в землю закапываем, мы же теперь старые Мытищи до основания сроем, и платные дороги на этом месте проложим, и никто нас не остановит, не укорит; утёр скупую мужскую слезу, и опрокинул услужливо поднесённую стопку водки. Начали гроб закрывать, а Гурьянов вдруг открыл глаза, и говорит: «Дурни, закурить есть? Забыл совсем, мне же кирпичи на даче перепрятать нужно». Тут Губернатор как заорёт: «Закапывай на хрен! Закапывай!» Ну, что, закопали. Губернатор же, как послушаться. А он вытер платком выступивший на лбу холодный пот, и говорит: «Ффффуу! У нас же фонды на памятники Гурьянову выделены, их ещё осваивать и осваивать!» Разошлись, разъехались все – кто домой, кто на поминки, кто вывозить с гурьяновской дачи драгоценный антикварный кирпич. Опустело кладбище. Сумерки, как цепенящий морок, накрыли и кладбище, и город, и пригороды. И вдруг, затрещало что – то, заколотило гулко, заухало, деревянный крест, наскоро воткнутый в свежую могилу, сам собой отлетел на добрый десяток шагов, с треском рухнув в кусты, а могильная земля вспучилась, разверзлась, и вылез матерящийся Гурьянов, грязный, помятый, с большой свежей шишкой на лбу. «Дурни, их ещё не было, а я уже Олимпиаду проводил! А туда же, не выросли ещё, а уже командловать хотят. Мало я им шизгару крутил, ой, мало! На сайт мой не хотят заходить, а туда же, закапывать! Обозваться не могут, а за кирпичём от мытищинского кремля во как рванули, на самолёте не догонишь! Вот же дурни, стоило спастись лечь после обеда, так сразу меня хоронить захотели! Меня, человека с тремя высшими, трижды лауреата, и с тридцатью тремя изобретениями! А вот фиг вам, вы ещё для Родины не сделали! У вас ещё уши не красные!» - с этими словами, ещё покачиваясь, но уже уверенно набирая скорость, Гурьянов кинулся напролом через лес, в сторону своей дачи.

В лесу было уже совсем темно. Не разбирая дороги, Гурьянов нёсся к своей даче, проламывая в кустарнике изрядные просеки, снося животом тонкие деревья, и досадливо огибая деревья большие. Из – под ног с писком

выскакивали какие – то зверушки, не то белки, не то ёжики. В голове билась и толкалась в виски одна мысль: «Кирпич! Кирпич!! Кирпич!!! Увезут, гады. Я же годами разбирал этот проклятуший кремль, я же на себе этот кирпич на дачу таскал. А унижался сколько, сколько задниц вылизал, всё чтобы главным краеедом стать, чтобы доступ в архивы получить, чтобы все документы о кремле мытищинском похерить, чтоб следа от него не осталось. У, гады! Дурни! Чтоб вы все обозвались! Не позволю! Не потерплю! Это мой кирпич! Это я его продаю! Это меня остров в Греции ждёт, чтобы я его купил! И всё, сам себе Губернатор, сам себе Президент! Дурни!! Пошли все вон с моего острова!!!»

Завизжав от злости, Гурьянов не заметил огромный дуб, со всего разбега хрякнулся в него лбом, и без чувств рухнул на землю.

Ощущения возвращались постепенно. Сначала Гурьянов почувствовал, что ему холодно. «Вот же ж, лёг спасть, а форточку не закрыл» - подумал он. Вставать было лень. Лень была большая, тяжёлая, без просветов. «Да и х...» - начал думать Гурьянов, но тут его щеки коснулось что – то холодное и тяжёлое. Открыв глаз, Гурьянов увидел нечто округлое, золотистого цвета. Пришлось открыть оба глаза, и повернуться на спину. То, что Гурьянов увидел, ему не понравилось – с ветки свешивалась толстенная золотистая цепь, почти касавшаяся его головы, а на цепи, посверкивая зелёными глазами, кто – то сидел. «Гость, обзавись!» - прохрипел Гурьянов. «Ага, счас!», - ответил этот кто – то, оказавшийся огромным котом, - «чуть дуб мне не сломал, вон цепь свалилась, и ещё его обзывай! Сам ты хуже татарина! Как теперь цепь на место наблочивать, а? Русалку – то ещё в девяностые твой дружбан Шапкин на закусь завялил, один я теперь на дубе».

- «Это... у меня сотрясение мозга, да? А ты мне кажешься?» - спросил Гурьянов.

- «Ну, нет!», - ответил кот, - «сотрясти можно только то, что есть! Ладно, некогда мне с тобой болтать. Побегу за медведями, цепь на место надо» - и кот исчез.

Ничего не понимающий Гурьянов медленно сел, посмотрел вокруг себя, посмотрел на свои руки, и удивился: «Уже ночь, я в лесу, и всё вижу...» Всё было освещено каким – то неярким, красноватым светом. «Совсем как олимпийский огонь в 80 – м году» - вдруг подумал Гурьянов. Источник этого света явно находился прямо над Гурьяновым. Он посмотрел вверх – темно. Тогда Гурьянов начал ощупывать себя, свою голову, и руки его натолкнулись на две огромные горячие шишки, слева побольше, справа поменьше. Странно, но голова совсем не болела. «Так это шишки светятся!» - догадался Гурьянов.

«Кирпич!!!» - вдруг вспомнил он. Вскочил, развернулся в сторону дачи, и остановился. «А, чёрт», - подумал Гурьянов, - «я же грязный, всю одежду на лоскуты разорвал в лесу, и ещё шишки эти... Меня же первый встречный

полицейский заметёт. Или по камерам засекут, и наряд вышлют. Домой надо заскочить, переодеться, и на голову что –нибудь. На своей машине и доеду до дачи, нечего мне ногами бегать». И Гурьянов вихрем помчался домой. Путь домой оказался непростым – Гурьянов, до своей судьбоносной встречи с дубом, успел довольно далеко умчаться и от Волковского кладбища, и от Мытищ. Пришлось таиться, пересекая улицы, внимательно выглядывать камеры видеонаблюдения, уклоняясь от встреч с редкими, по ночному времени, прохожими. Да ещё и свет от шишек демаскировал, приходилось тщательно закрывать их руками. «Вот чего я понять не могу», - думал Гурьянов, - «я же из гроба сам выломался и выкопался, по лесу сколько просек наделал, и сейчас несусь, как в молодости никогда не бегал, а усталости не чувствую. Может, я действительно того – помер? Тогда почему я деревья животом ломаю? И дуб, опять же, чуть не снёс. Странно... Какая – то упаковка получается». Задумавшись так, Гурьянов не заметил, как на очередном перекрёстке лицом к лицу столкнулся с двумя чоповцами бородатой национальности, вышедшими из – за угла. «Конец...» - промелькнуло в голове у Гурьянова. Но, тут началась форменная фантасмагория – бородач повыше ростом зарычал, рычание перешло в вой, и чоповец, завывая: «Шайтан! Джаханнен! Шайтан!», вмиг исчез. Второй бородач, пониже ростом, рухнул на землю и, прикрывая голову руками, завопил: «О, великий и ужасный Махур – Марид! Сжался надо мной, не ешь меня! У меня ещё детей нет!» Вопли перешли в неразборчивое скуление, из которого Гурьянов смог разобрать лишь: «Бисмилля иль... Рахим...». «Ага, воистину...», - пробормотал Гурьянов, перекрестившись. Пожав плечами, он двинулся дальше, подумав: «Вот дурни, обозваться не могут!»

Наконец, Гурьянов подбежал к родному забору. Тепло стало на душе, Гурьянов уже представлял, как войдёт, вдохнёт домашние запахи, умоется, переоденется в чистое, выкатит из гаража машину, и с комфортом рванёт на дачу, к дорогому сердцу кремлёвскому кирпичу. Подойдя к калитке, Гурьянов привычно опустил руку в карман, и понял, что ключей нет. «Дурни, книжки в гроб засунули, а ключи забыли!» - мелькнула злобная мысль. «И как теперь? Звонок – то я сам на прошлой неделе отключил, чтобы поклонники моих талантов спастись не мешали. Придётся стучать!» - с этой мыслью Гурьянов принялся колотить в мощную калитку руками и ногами. Постучав безрезультатно минут пять, Гурьянов понял, что усилия его тщетны. «Так, придётся через забор. Надо же, как крепко жена спит, такой грохот, а она не слышит!» - и Гурьянов двинулся влево от калитки, туда, где на границе с его забором, соседский забор был совсем низок, и можно было, перелезши его, по соседскому участку, пройти вдоль забора к дальнему углу, где гурьяновский забор был ниже, чем у калитки. Без труда перелезши на соседский участок, Гурьянов направился было вдоль забора, но тут на крыльце соседского дома загорелся неяркий свет. «Василий, змей, опять

нажрался!», - услышал он голос соседки, Дарьи Макаровны. «Какого хера ты тут тарарам устроил? Зачем спички жжёшь, скотина, пожар устроить хочешь? Я тебе счас покажу!» - соседка, потрясая скалкой, спустилась с крыльца, и направилась к забору, под которым притаился Гурьянов. «Ну вот, этого ещё не хватало!» - подумал Гурьянов. «Макаровна, это я!» - поднялся он навстречу приблизившейся соседке. Та, будто налетев на стену, остановилась с расширившимися глазами, выронила скалку, перекрестилась и, прохрипев: «Чур меня, чур, изыди, бес!» - рухнула без сознания. «Макаровна, ты это... полежи тут, я сейчас, я скорую, скорую из дома вызову» - ошеломлённо выдавил из себя Гурьянов, подбежал к забору, и подпрыгнул, пытаясь зацепиться за его верх. Ничего не вышло. Раз за разом, обдирая руки, подпрыгивал он, но забор был слишком высок. «Нужен какой – нибудь допинг», - понял Гурьянов, - «а, вот!» «Меня в школах изучают!» - заорал он и, лёгкой кошкой, перемахнув трёхметровый забор, мягко приземлился на своём участке. Оглядевшись, Гурьянов удивился: «Что это за туман над домом? Не то сиреневый, не то голубой. Странно. Надо же, свет в окнах горит. Не спят, значит. Но, не открывают. К чему бы это? Ну – ка!» Подойдя к окну, Гурьянов заглянул в свой ярко освещённый кабинет, и увидел... себя, сидящего за письменным столом, и что – то увлечённо записывающего в толстую тетрадь. Вынести столь необычайное зрелище Гурьянов не смог, в глазах его потемнело, в ушах зазвенело, ноги подогнулись, и второй раз за ночь Гурьянов рухнул без чувств.

Глава 3.

Для поминок по Гурьянову был арендован ресторан «Кодру» - и от кладбища совсем недалеко, и ресторан хорош. Губернатор, по поводу столь радостного для себя события, расщедрился, и оплатил из спецфонда и аренду на сутки, и кухню нон – стоп. Кроме традиционных кутьи с киселём, на столах чего только не было! Проще сказать, чего там на самом деле не было – не было стерляди, которую Гурьянов, по его собственному заявлению, никогда не пробовал, и поэтому вкус её забыл. Решено было уважать гастрономический выбор покойного, и стерлядь не подавать. Всё остальное было, и было в большом количестве.

Народа с кладбища пришло много. Не пришли лишь совсем немощные и хворые, и те, что знали о драгоценных кирпичах на гурьяновской даче, и давно мечтали этим кирпичём завладеть. Мечтатели прямо с кладбища отправились за грузовиками и грузчиками.

Не пришёл и Губернатор – сославшись на большую занятость и, главным образом, на то обстоятельство, что, когда Губернатор пожимал покойному

руку, тот лежал в гробу без маски. По этой причине Губернатору совершенно необходимо было самоизолироваться на пару недель в Куршавеле. Но, присутствовал губернаторский зам по общим вопросам. Не было и мэра города – он был в командировке в Ницце, по обмену опытом. Вместо мэра пришли два его зама, и любимая секретарша, которую мэр решил в Ниццу не брать. Зато, в полном составе явились местные краеведы, которых усопший духовно окормлял своим краеедческим авторитетом. Много разного народа собралось, очень много. Конечно, несколько удивительно было отсутствие близких родственников, как на похоронах, так и на поминках, но, в конечном итоге, каждый из пришедших по – своему придумал этому уважительную причину. Из родственников прикатили только совсем дальние, не от из Маука, не то из Ерала, тридцать седьмая вода на киселе, какие – то внучатые племянники четвероюродного дедушки. Эти дальние родственники, зная, что у Гурьянова, кроме дома, есть шикарная загородная дача, решили за счёт этой самой дачи улучшить свои жилищные условия, уповая на то обстоятельство, что их четвероюродный дедушка, при строительстве оной, разбил себе лоб о стропила крыши.

Расселись, послушали первую речь, выпили поминальную, закусили. Снова послушали речь какого – то зама, выпили, закусили. И ещё много речей послушали, и официальных, и эмоциональных, и кратких, и многословных, и выпивали каждый раз, и закусывать на забывали, благо – было чем.

Первыми устали краеведы – лишившись предводителя, они стали слабы и дезорганизованы, быстро осовели, и дружно заснули в своём углу, посапывая и похрапывая, и пуская слюни. Вторыми сдались два мэрских зама – один так и заснул с ложкой чёрной икры во рту, а другой, после безуспешной попытки уединиться в VIP – зоне с хорошенькой учительницей начальных классов, уединился там в одиночестве, сдёрнул со стола белоснежную скатерть, завернулся в неё, и забылся на диване.

Постепенно нарастал гул голосов, стали раздаваться поначалу робкие, но всё более и более громкие смешки, и уже слышались возгласы: «Музыку!», и уже клялись где – то в вечной дружбе и любви, и даже драку разняли в туалете, и притащили магнитофон, случайно у кого – то оставшийся после одной из гурьяновских выставок, и завели ламбаду, и повалили танцевать, и уже поминки превратились в настоящую массовую пьянку, как вдруг пронёсся по залу стылым холодом крик: «ГУРЬЯНОВ!!!»

«Что? Что Гурьянов? Гурьянов? Что Гурьянов?» - раздались испуганные возгласы; подавившись, смолкла музыка; все затихли, и с внезапным непонятным волнением воззрились на губернаторского зама, стоявшего у центрального входа в зал. На зама было страшно смотреть: выпученные глаза безостановочно блуждали, со лба стекал холодный пот, руки тряслись, и мертвенная бледность покрывала его лицо. «Гурьянов...» - выдавил зам,

несколько раз глотнул ртом воздух, и продолжил: «Гурьянов выкопался. Идёт сюда».

Столь ошеломляющее известие подействовало на всех по – разному: кто – то встал, кто – то сел, кто – то схватился за голову, кто – то замер, но немая сцена продолжалась недолго. Все разом заговорили, закричали; один из гурьяновских литературных негров громогласно призвал немедленно, не сходя с места, принять обращение к нации; кто – то предложил вызвать охотников за привидениями – его тут же подняли на смех, как насмотревшегося кино; многие требовали продолжать поминки, столь счастливо превратившиеся в банкет, и доесть и допить, пока Гурьянов идёт; и напрасно губернаторский зам, надрывая голос, призывал всех к тишине. Наконец, отчаявшись, он схватил большой медный таз, присутствовавший на поминках в качестве артефакта и символа бренности всего сущего – именно этим тазом в своё время накрылся Национальный Музей Радио, и с размаха швырнул его на пол. Оглушительный грохот мгновенно заставил замолчать шумевших, и наступила тишина.

«Слушайте», - прохрипел зам, - «гроб и могила словно взорваны изнутри страшной силой. Служащие кладбища обнаружили в прилегающем лесу просеки, проделанные Гурьяновым, или тем, во что он превратился, и его следы. Следы идут по направлению к ресторану. Пока ясно одно – Гурьянов стал опасен. Необходима эвакуация».

Внезапно, в насупившей гробовой тишине, послышался скрип, перешедший в скрежет, двери VIP – зоны с грохотом распахнулись, и в тёмном проёме появилась высокая белая фигура, несуразно дёргавшаяся, и совершавшая длинными широченными руками загребающие движения.

АААААААААААААААААААА!!! – вопль всех поминавших слился в единый рёв, люди неистово толкались, оттирая и отпихивая друг друга, ломились в двери, метались в панике по залу, опрокидывая столы и стулья; пытались найти выход за деревянной барной стойкой; выбегали, падая, через служебный выход, выпрыгивали через выдавленные окна.

Вмиг опустел зал, повсюду на полу валялись раздавленные блюда с едой; половина столов была опрокинута, истекали напитками разбитые бутылки, и лишь в дверях VIP- зоны неистово пытался освободиться от спутывающей его скатерти столь не вовремя проснувшийся мэрский зам.

Глава 4.

Сознание вернулось сразу, вдруг, будто включили свет. Гурьянов сразу осознал, где он находится, и что с ним происходит. Хотя, если быть точным, он как раз совершенно не мог понять, что происходит с ним, и с окружающей действительностью. Впрочем, он решил не рефлексировать, и прибегнул к традиционному заклинанию: «Дурни!» Помогло и на этот раз. На душе

прояснилось, но тут же всплыла тревожная мысль о драгоценных кирпичах. «Так. Нужно сначала выяснить, почему я сразу здесь и там. И всё одновременно. И вообще, где жена?» - Гурьянов решительно зашагал к крыльцу. До ступеней, знакомых до каждой трещинки, остался один шаг. Остался один шаг. Остался один шаг... Остался... «Что за ерунда!», - подумал Гурьянов, - «я иду, и иду, но не могу подойти к крыльцу!» Гурьянов ускорил шаг, и ещё ускорил, и побежал, но оставшийся до крыльца шаг так и не был преодолен. Совсем запыхавшись, Гурьянов остановился: «Мама! Мне плохо! Или я сплю? Так. А если через окно?» Но, и у окна всё повторилось. И у второго окна. И у третьего. И у четвёртого. И у гаража. Совершенно потерявшийся Гурьянов присел на подвернувшуюся старую табуретку, и задумался. Думал он долго, но ничего придумать так и не смог. «Чёрт! Что же я расселся, там же дурни кирпич с дачи вывозят! Так. Забежать в сарай, там старая куртка и шапочка. Чтобы шишки не светились. Может, хоть туда попаду» - с этой мыслью Гурьянов бросился к сараю, чуть поколебавшись, протянул руку к двери... Дверь открылась, и Гурьянов прошмыгнул внутрь. Привычно протянув руку, включил свет, и первое, что он увидел, была стопка картонных задних стенок от радиол и приёмников. «Что за кракозябра? Я же их в прошлом году сжёг!» - удивился Гурьянов. Он шагнул дальше, к вешалке, на которой висели всякие фуфайки и старые куртки, и заорал от ужаса – из старого зеркала, приделанного рядом с вешалкой, на него глянул демон. Самый настоящий демон, весь чёрный, с глазами, отблёскивающими красным, и с двумя дымно – красными светящимися рогами. Гурьянов в ужасе перекрестился – демон сделал то же самое. «Тьфу, дурень, это же я сам отражаюсь», - понял Гурьянов, - «и не рога это, а шишки светятся! Эх, жаль, воды нет, умыться». Скинув разодранную и грязную похоронную одежду, Гурьянов облачился в старые штаны и куртку, натянул вязаную шапочку, и выбежал наружу.

Первое, что он услышал, было завывание сирен полиции и скорой помощи, и вопли Макаровны из – за забора: «Бесы! Бесы! День последний настал, кайтесь в грехах! Бесы, везде бесы! Он грядёт, он грядёт! Кайтесь! На горе Елеонской три шестнадцать! Отрекохом отвергаша!»

Гурьянов понял, что ему пора. Пробегая мимо окон, он заглянул в свой кабинет, и замер. Сердце его сжалось – в кабинет вошла его жена, и что – то сказала ему, сидящему там, в доме, за столом... Смахнув набежавшие слёзы, Гурьянов встрепенулся, кинулся к забору, привычно уже заорал: «Меня в школах изучают!», перелетел через забор, и непонятная сила опять подхватила его, и понесла в сторону дачи, через леса, шоссе, улицы и дороги. «В Райки! В Райки! В Райки! Трудиться, трудиться, трудиться!» - думал Гурьянов на лету.

До Райков оставалось совсем немного, но вдруг, сразу после садов «Биолог», неизвестная сила, вихрем несущая Гурьянова, начала ослабевать, скорость

гурьяновского бега замедлилась, и почти на границе лесополосы он остановился. «Ну, вот», - подумал Гурьянов, - «похоже, что – то сломалось». Неожиданно, он услышал впереди какое – то жужжание, похожее на звук коллекторного электромотора. Пройдя вперёд, метров через сто, он увидел нечто, быстро крутившееся, и жужжавшее. Прислушавшись, Гурьянов понял, что это звучит какая – то музыка, и даже ему знакомая, но очень убыстренная, настолько, что была похожа именно на жужжание. Крутившееся нечто, крутилось так быстро, что никаких деталей разглядеть не было возможно.

Подойдя поближе, Гурьянов громко потребовал: «Гость, обзавись!» И услышал в ответ: «Па – а – шё – ёл ты – ы!»

- Ты кто? – спросил Гурьянов.

- Ты – ы чё – о, не – е узна – ал чё – о ли – и? – слова из – за быстрого вращения были разорваны на слоги и отдельные звуки.

- Ши – из – га – а - ара я – а, ши – из – га - а – ара!

- Ой, ты – Маришка Вереш? – обрадовался Гурьянов.

- Ду – у – ре – е - нь, я – а ши – из – га – а – ара! Ма – а – риш – ка – а да – а – вно – о у – у мер – ла – а!

- А чего крутишься? -

- Та – ак ты – ы же – е ме – ня – а ско – оль – ко – о кру – у – ти – л! И – и до – ома кру – у – тил, и – и на – а ра – а – бо – те, и – и на – а да – а - че, и – и в и – ин – тер – не – е – те – е! Я – а те - пе – ерь о – оста – а – но – о – вить – ся – а не – е мо – огу – у! Те – е – перь ты – ы мне – е по – о – пал – ся – а, сво – о – лочь! Э – э – то – о я – а те – ебя за – а – тор – мо – о - зила – а! Я – а те – бя – а сей – ча – ас при – и - стре – е лю – у!

- Ты ври, да не завирайся, дурища! Чем ты меня пристрелишь, пальцем? Тоже мне, воентог нашёлся!

- Па – а – льцев у – у ме – еня не – ет! Ты – ы за – абы – ыл, ка – ак во – о мне – е по – о – ётся – а?

И тут, голосом Маришки Вереш, шизгара отчётливо пропела: «Her weapons were her crystal eyes!», сухо щёлкнул выстрел, и над самым ухом Гурьянова свистнула пуля. Гурьянов рыбкой прыгнул в сторону, упал на спружинивший живот, откатился за так кстати нашедшийся бугор, и ужом, вспомнив армейскую подготовку, заелозил по земле в сторону близкой лесополосы. Сзади щёлкали выстрелы, над головой то и дело посвистывало. И, когда Гурьянов, уже посчитав себя в лесочке в безопасности, поднялся на колени, щёлкнул ещё один выстрел, свистнуло, прямо перед Гурьяновым в толстую берёзу вонзилось что – то приличного размера, и на него глянул мёртвым зрачком глубоко вошедший в ствол дерева искусственный глаз.

«Хрустальными глазами стреляет!», - догадался Гурьянов, - «сташно! Хорошо, что крутится, прицелится не может!»

Ещё не веря, что всё благополучно закончилось, на трясущихся ногах, пригибаясь, Гурьянов проскочил лесополосу, и ощутил, что неведомая сила снова подхватывает его, и несёт к даче.

Уже на дальнем подходе к своей даче, Гурьянов услышал рёв нескольких моторов, а подбежав совсем близко, увидел сундукообразный линкольн, и пару крузаков, стоявших перед забором его дачи, и отчаянно ревавших моторами. Вокруг стояли оживлённо жестикулировавшие люди, невдалеке вырисовывались силуэты нескольких грузовиков, а в кузове одного из них возвышался небольшой экскаватор.